

Борис А. Колесов
kolesov@niic.nsc.ru

Правдивая история собаки, рассказанная ею самой

Меня зовут Трезор. Сначала, когда я был маленьким, я немножко обижался на это имя, мне оно казалось насмешливым, но потом мне объяснили, что в переводе с английского и даже с французского оно означает «сокровище», и я согласился. Конечно, какая-нибудь крутая кличка типа Волкодав или, к примеру, Одинокий Рэйнджер, подошла бы мне, я думаю, больше, но Сокровище, да еще по-иностранному, тоже неплохо.

Я был пятым в помете, а всего нас семеро братьев и сестер. Мама у нас сибирская лайка, а отца мы не знали, его видела только мама, да и то мельком. «Выскочил из-за угла - рассказывала мама - большой, черный, похож на пуделя. И очень настойчивый. Мне он сразу понравился». Мама же, как все лайки, была светлого окраса, поэтому мы уродились какими попало. Но я оказался самым красивым: теплого коричневого цвета с белоснежной грудкой и белыми же лапками. И это определило мою судьбу. Распределять нас, щенков, поручили пятикласснику Костяну, и тот, недолго думая, позвал своего друга Вовку и предложил ему меня. Вовке я тоже понравился, и он помчался домой, уговаривать родителей.

Вовкина семья состояла из четырех человек: сам Вовка, его младший брат Сашка, еще даже не школьник, и родители, Хозяин с Хозяйкой. Хозяин был человеком легкомысленным и недальновидным и согласился взять меня сразу и без всяких условий. Хозяйка же, напротив, насторожилась, почувствовав что-то недоброе, и поначалу воспротивилась. Но, как выяснилось, решающим оказалось слово мальчика Сашки. Дело в том, что, незадолго до моего рождения, Вовка с Сашкой выклянчили у родителей волнистого попугая. Его называли Тараской. Тараска целыми днями сидел в своей клетке и что-то тихонько ворковал, чем и снискал к себе общую симпатию. Сашка же, начитавшись к тому времени книжек про животных в африканской пампе и в зоопарках на каких-то островах, души в нем не чаял.

Время от времени он открывал дверцу клетки и давал Тараске размять крылышки. Однажды Тараска, налетавшись по комнате, сел на открытую форточку. Из форточки ему открылось огромное синее небо, шумели внизу зеленые березы и дул свежий ветерок. Тараске стало любопытно, и он нырнул прямо в небо. С тех пор его не видели. Сашка очень расстроился, даже всплакнул, долго пытался найти друга, но все оказалось напрасным. В конце концов, он все же выяснил, что Тараска, вылетев из одной форточки, залетел в другую, но там жил совсем незнакомый мальчишка, который, однако, Тараске обрадовался, приютил и стал называть его почему-то Федором. Все жалели и Тараску, и Сашку. Хозяйка тоже жалела, но втайне надеялась, что Тараска уже никогда не вернется: птичка хоть и мала, но стойкий запах курятника от него в квартире сильно ей не нравился. И вот в это-то непростое время примчался Вовка и сообщил обо мне.

Как бы то ни было, но после бурных обсуждений, обещаний слушаться и клятв ухаживать за собакой, Сашка с Вовкой отправились за мной. После придирчивого осмотра и почесывания моего круглого брюшка, меня поместили в хозяйственную сумку и понесли, не дав даже толком проститься с братишками и сестренками. Мама-то успела меня лизнуть, но, как выяснилось позже, наше с ней расставание окажется недолгим, и я буду часто навещать ее, заодно проверяя, чем там маму кормят.

В новой семье меня приняли хорошо. Хозяйка сразу же поставила миску с тепленьким молочком. Я ее всю вылакал, живот мой еще больше раздулся, но как то неудачно, со смещением центра тяжести, так что я едва сумел сделать несколько неуверенных шагов и свалился на бок на какую-то тряпицу, которую мне едва успели подсунуть. Последнее, что я помню, засыпая, были рожицы Сашки и Вовки, склонившиеся надо мной и чему-то смеющиеся.

Проснулся я ночью от холода. Кругом было темно и тихо. Мамы рядом не было. Не было и моих братишек и сестренок, с которыми мы обычно спали кучкой, обогревая друг друга. Мне стало так одиноко, что я заплакал. Я сидел посреди комнаты и жалобно всхлипывал, жалея себя и ни на что уже не надеясь. Вдруг какая-то таинственная сила подняла меня ввысь и поместила в глубокую и тепленькую конурку. Это Хозяин встал с постели, одел халат и засунул меня за пазуху. Мы с ним немножко побродили по темной квартире и я, пригревшись и успокоившись, уснул снова.

На следующий день Сашка с Вовкой принялись меня воспитывать. Они ознакомили меня с новым жильем, показали, где стоит моя миска (Наивные! Без них я бы не нашел!), спустили во двор и строго-настрого приказали делать пи-пи только на травку. А я не возражал. Мне и самому было приятно

на травке. Потом стали выбирать мне имя. Но эту проблему решили быстро. Не успели все даже толком прикинуть возможные варианты, как Вовка удивленно вскинул бровь: «Как назвать? Трезором!». Вот так я и оказался сначала Трезором, потом Трезоркой, а потом и вовсе Трежоркой, и только потому, что у меня всегда был хороший аппетит. И это толерантность?

Так началась моя жизнь. Я не был ленивым и старался все делать помногу. Много бегал, много ел, много спал. Поэтому я быстро рос и развивался. Я стал очень красивым. Коричневый окрас, белоснежная грудь и кончики лап, словно на них были одеты белые носочки, одно ухо торчало вверх, как будто я все время к чему-то прислушивался, зато второе спокойно свисало вниз. Взгляд внимательный и немножко настороженный. Вскоре у меня выросла хоть и реденькая,

но очень интеллигентная бородка, как у некоторых писателей. Иногда дети на улице даже останавливались передо мной и недоуменно восклицали: «Ой, папа, посмотри, собачка с бородкой!». Шерсть тоже выросла и стала густой, а хвост - крепким и круто загнулся в кольцо, как у мамы. Знакомые Хозяина стали даже иногда

называть меня Трезором Митричем (от Хозяина), или даже просто Митричем, но сам Хозяин относился к этому без восторга, и отчество не привилось.

Больше всех я люблю Хозяйку. Она меня всегда жалеет, никому не дает в обиду, а кормит, кормит... . Каждый день обязательно что-нибудь мне сварит, то рыбку, то супчик. В супчик постарается подложить то, в чем они сами себе отказывают: потрошки, свиные или говяжьи обрезки, а когда у меня выросли зубы, стала подкладывать аж мозговую косточку! На улице я обычно издали замечал Хозяйку, возвращающуюся домой. Я изо всех сил бросался ей навстречу. Я несся иноходью, слегка бочком, выпятив белоснежную грудь и сверкая белыми же кончиками лап. Приближаясь, я начинал повизгивать от восторга. Хозяйка тоже начинала повизгивать и размахивать руками. Со всей скорости я бросался ей на грудь, ожидая, что она тоже сейчас меня обнимет. Но вместо этого она что-то кричала и изо всех сил отпихивалась от меня. Странные же люди! Я не сразу привык, что таким

манером они выражают радость от встречи. Вот и Хозяин тоже. Мы с ним, бывало, часто посиживали в небольшой прихожей у двери, он на стуле, а я перед ним, положив голову ему на колени. Он поглаживал меня и негромко распевал, как будто под шарманку: «Трезорка ты Трезорка, пустая голова!». Я не обижался, нет, пусть бы хоть что говорил, лишь бы не переставал гладить и почесывать за ухом. На моем черепе была почти прямая полоска на месте срастания костей, и Хозяин, проводя пальцами вдоль нее, приговаривал: «Ну и глупый же ты, Трезорка, всего одна извилина, да и та прямая!». Но я-то знал, что я умный, да и Хозяин это знал и даже частенько хвалился моим умом перед знакомыми. Я понимал, что на самом-то деле это не он меня ублажал, глядя по голове, это я ему позволял выговориться и освободиться от накопившегося в душе мусора: кого бы еще он мог так часто и безнаказанно обзывать дурачком!

Как то осенью, уже подростки, я повел Хозяина на прогулку. Походив немного, он уселся на скамейку, а я бегал вокруг. Вдруг я увидел около Хозяина что-то маленькое и живое: мышь! Кровь вскипела в моих жилах, разум помутился, и я бросился вперед, пытаюсь завладеть законной добычей. Но мышь оказалась проворней, чем я предполагал, и мгновенно юркнула под скамейку. Я забежал с другой стороны, но и мышь не дремала. Так мы с ней крутились некоторое время без всякого результата, пока Хозяин, видя это, не решил мне помочь. Он встал, и неуклюже поворачиваясь и топоча своими ножищами, попытался погнать мышь на меня, но только навредил делу: мышь совсем куда-то исчезла. Еще немного порывшись в сухой траве, мы побрели домой. При этом Хозяин завел свою привычную песню: «Ну и дурак же ты, Трезорка, даже мышь поймать не мог!». А сам-то, сам-то! И вот так всегда: чуть что, так Трезорка. А я еще хотел поделиться с ним добычей!

Пришла зима и все покрылось глубоким снегом. Снег я очень любил. Мне казалось, что там, под снегом, что-то лежит, и я буровил его носом в надежде это что-то найти. Чаще всего найти ничего не удавалось, тогда я просто барахтался в снегу, очищая шерсть от пыли и грязи.

Во дворе у меня появился друг. Звали его Жуликом. Он был небольшого роста, кривоногий, с длинной густой шерстью, и на маленькой мордочке сверкали плутоватые глазки, отчего он действительно имел жуликоватый вид. Мы с ним подолгу дурачились, валяли друг друга, рычали и носились по площадке. Бегал он смешно, подпрыгивая, как лягушка, потому что в глубоком снегу его лапы не доставали до земли. Он был постарше меня, но из-за его роста мы были почти равными. Однако он во всем старался превзойти меня и вначале ему это удавалось. Но вот прошел месяц-полтора, я еще подрос и стал выше Жулика. Но Жулик не хотел этого

замечать и однажды наскочил на меня, чтобы как обычно сбить с ног и повалить в снег. Но я уперся лапами, выпятил грудь, и Жулик, напорвшись на преграду, неожиданно сам отлетел в снег, да еще и перевернулся при этом на спину. Вот это падение на спину показалось ему особенно обидным. Он встал, отряхнулся и молча отошел в сторону. Он не смог вынести поражения, и мы перестали дружить. Жизнь у Жулика не сложилась. Летом его отвезли в деревню, и там, не сообразив сразу, что к чему, он стал гоняться за курицами и даже наносить вред их здоровью. Новые хозяева пытались отучить его от этой дурной склонности, но безуспешно. Пришлось посадить Жулика на цепочку. Характер его, и без того непростой, совсем испортился. Он стал злым, несдержанным, а главное, никак не мог понять, на кого лаять, а на кого – нет.

А весной, когда я уже возмужал, я познакомился с Хепой. Хепа была породистой собакой, эрдельтерьером, с длинными ногами, короткой, но густой черно-рыжей шерстью, завитой в мелкие колечки, и вытянутой мордой кирпичом. Глаза у Хепы были круглые, влажные и чувственно блестели. Когда мы в первый раз встретились и обнюхались, я поразился: я никогда еще не встречал собаку, которая бы так хорошо пахла. Хепа тоже как то внимательно посмотрела на меня: видимо, я произвел впечатление. Хепа, в отличии от меня, гуляла на поводке, и я бегал вокруг, всячески показывая свое желание познакомиться ближе. Хозяйка Хепы, девчонка лет тринадцати, не выдержала и спустила ее с поводка. Мы с Хепой очень обрадовались и побежали по дорожке, подпрыгивая и нежно покусывая друг друга. Нам было как-то очень интересно и хорошо вместе. Девчонка встревожилась, стала звать Хепу и попыталась нас догнать. Но мы уже были далеко. На следующий день Хепа почему-то не вышла гулять. Я расстроился, стал искать ее, но безрезультатно. Тогда я побежал к ее дому. Она жила в низеньком двухэтажном деревянном домишке, как раз напротив моей громадной девятиэтажки. Перед ее окном лежала куча старого, почерневшего уже снега. Я забрался на нее и стал звать Хепу. Но она не показывалась. В тот день, как и на следующий, я еще несколько раз пытался вызвать Хепу, но безрезультатно. Не знаю, что произошло, но больше я Хепу не видел.

Обедали мы обычно все вместе. Правда, Хозяйка сначала кормила меня, но я, быстро осушив свою миску, не уходил из кухни, а тихонько садился рядышком с кем-нибудь. И хотя я был уже не голоден, мне все равно очень хотелось попробовать, что они сами-то едят. Я сидел, положив голову кому-нибудь на колени, и скромно ждал, когда их совесть пробудится и они дадут мне кусочек. Но где там! Они не только не спешили угостить меня, но еще принимались меня же и стыдить: «Трежорка, ну сколько можно! Ты ведь

только что нажрался!». Эх, они совсем не понимали собачью психику! Собака не может бросить еду и уйти. Если есть еда, то собака должна либо съесть ее, либо схоронить. В конце концов, не дождавшись по-хорошему, я начинал действовать по-своему. Я просовывал морду под их локоть и поддевал его, да так, чтобы было понятно, чего мне надо. Обычно с третьего-четвертого раза они не выдерживали и, бранясь, совали мне кусок со стола. Но бывали случаи, когда они старательно делали вид, что не понимают моих намеков и не проявляли ко мне уважения. И тогда приходилось идти на крайнюю меру. Опустив голову и шаркая лапами, я демонстративно удалялся из кухни, всем своим видом показывая, как сильно я оскорблен. Я садился за ближайший угол и, высунув морду и сверкая глазами, смотрел на них, недвусмысленно давая понять, какие они неблагодарные люди. Тут обычно за столом начинался шум, кто-то издевательски смеялся, кто-то лицемерно жалел меня, но в результате они все равно сдавались, звали меня обратно и я получал то, что хотел с самого начала.

Меня часто отпускали гулять одного. Дел на улице у меня было много. В мою территорию входил не только наш микрорайон, но и соседние. И нужно было все оббежать и везде подтвердить свои законные права. Попутно я узнавал, где что происходит, перенюхивался со знакомыми собачками, заводил новые знакомства. А еще нужно было засвидетельствовать свое уважение женщинам, моим поклонницам. Откуда брались эти женщины, я и сам толком не знаю. Просто иногда бежишь по улице и вдруг слышишь: «Трезор, Трезорушка!». Я, конечно, подходил, принимал скромный вид, вилял пару раз хвостом и позволял погладить себя по голове и почесать за ухом. После этого новая знакомая приглашала меня к себе домой. Я охотно соглашался, поскольку знал, что за этим последует. Посидев полчаса в гостях и откушав много всего, я начинал присматривать местечко, где бы поспать. Но вместо поспать, моя новая подруга вежливо предлагала мне выйти из квартиры. А мне куда торопиться? Тогда она начинала хитрить со мной. Бросит, например, за дверь печенку или конфетку и ждет, когда я выскочу. Ах, обмануть собаку нетрудно, тем более, что я, бесхитростный, был рад любому подарку. И я выскакивал на площадку, ну а потом, ясное дело, дверь захлопывалась, и приходилось плестись на улицу. Но у меня была хорошая память, и я запоминал место, где был (и дом, и этаж, и квартиру). Так за несколько лет у меня накопилось несколько адресов, куда я время от времени наведывался и где меня всегда ожидал теплый и обильный прием. Забегал я и к маме. Она меня тоже не забывала, никогда не бросалась на меня и не облаивала. Даже позволяла поесть из своей чашки.

А вот мужчины из людей меня, напротив, не любили. Всё норовили обругать, обозвать, а то и вовсе пнуть. Но я нисколько не обижался, У нас ведь, у собак, точно также. Я за всю свою жизнь ни разу не подрался с собакой-сукой, и почти всегда приходилось выяснять отношения с собакой-кобелем. Иногда даже с очень крупным кобелем. Но в этом случае меня спасали мои ноги. Я так быстро бегал, что редкая собака могла догнать меня. Бегал я, надо сказать, чудно. Передние лапы выкидывал одновременно, как при галопе, а задние – вразножку. И получался то ли галоп, то ли иноходь, сам не пойму.

Однажды, гуляя в соседнем дворе, я увидел собачку, которая показалась мне чем-то знакомой. Присмотрелся: ну, вылитая я сам! В самом деле, шерсть коричневая, а грудь, лапы и ошейник – белые, ну, все, как у меня. Даже уши так же торчат! Только глаза диковатые. Мы познакомились. Оказалось, это – Шарик, молодой кобелек, всего один год отроду. Шарик при знакомстве шерсть не дыбил, рык не катал, а, наоборот, приветливо и даже я бы сказал застенчиво, по-щенячьи вильнул хвостом. Я тоже почувствовал к нему симпатию, и конфликтовать, конечно, не стал. Жил Шарик неподалеку, и мы с тех пор часто встречались, всегда приветствуя друг друга. Через некоторое время я повстречал еще одну собачонку, на этот раз девочку, тоже сильно на меня похожую, только ноги короткие, а в остальном – красавица! Вскоре такие встречи стали частыми и я решил, что, наверное, вывелась новая порода собак, стройных, красивых, умных, похожих на меня. Ну, а естественный отбор и время довершат дело, укрепив нас в нашем собачьем обществе.

Мы жили на девятом этаже, и подниматься пешком мне было ломы (как это: «ломы», я не знаю, но так Сашка говорил). Поэтому, я всегда ездил в лифте. Я знал, какие кнопки нажимать, чтобы приехать домой, но они как будто нарочно размещены так, чтобы ни одна собака не могла дотянуться. Поэтому приходилось ждать кого-нибудь из соседей. Вот, к примеру, идет старушка Галина Николаевна с тремя сумками. Она живет на седьмом этаже. Мы садимся с ней в лифт и едем. Лифт останавливается на седьмом, Галина Николаевна выходит, а я остаюсь. Галина Николаевна с недоумением смотрит на меня: «Трезор, а ты что?». А я что? Мы на девятом, нам выше. Галина Николаевна в растерянности: «А как ты знаешь, какой это этаж?». Я молчу. А сам смотрю на стену напротив открытой двери лифта, где зеленой краской нарисована большая цифра «7». Тут Галина Николаевна не выдерживает, просовывает в кабину лифта ладошку и нажимает кнопку «9». Наконец-то! Через секунду лифт на девятом и мне остается только выйти и вежливо полаять перед нашей дверью. Но бывало и по-другому. Сидя на

первом этаже в ожидании попутчика, я вдруг слышу, как лифт сам по себе приходит в движение, начинает гудеть, и вот его дверь уже открывается, и выскакивают две девчонки. Я их знаю, они с пятого. «Ой, Трезорка!», и понеслись на улицу, даже не поинтересовавшись, что мне нужно. А попутчиков все нет. Делать нечего, захожу в кабину, дверь закрывается, но лифт никуда не идет. Посидев так пару минут, я начинаю тихонько лаять. Никакого толку. Я погромче. Опять ничего. Тогда я гавкаю изо всей силы. Лифт начинает двигаться и поднимает меня прямо на наш этаж. Я выхожу и вижу Хозяйку, которая стоит на пороге квартиры и приветливо встречает меня. А бывает совсем чудно. Я сижу на первом, ни попутчика, ни лифта. Мое терпение лопается, и я начинаю громко лаять. И вдруг, откуда ни возьмись, приходит пустой лифт, я захожу, и он поднимает меня прямо на девятый. А там опять уже Хозяйка ждет. Как она узнает, что я еду, я так и не понял.

Дома дел у меня было немного: с Сашкой подурачиться, да на кухне около Хозяйки потолкаться. А в основном я отдыхал, на коврике. Я ложился на бок, раскинув голову, лапы и хвост в разные стороны. В этом положении мне снились особенно приятные сны. Снился наш двор, знакомые собачки и тут же снилась большая замысловатая косточка, но как-то сама по себе, доступная не всем собачкам, а только мне. Во сне я вздыхал и постанывал, а Хозяин, если был дома, строил грубые предположения о том, что снится мне в эту минуту. Но со временем я стал спрашивать себя: а почему это все Хозяева, включая даже мальчика Сашку, спят в своих постелях, а не на коврике, как я? И вот однажды, когда в доме никого не было, я решил прояснить этот вопрос и забрался на Хозяйкину кровать. Кровать была широкой и длинной, и я без труда расположился на ней в любимой позе. И тут я все понял. Я понял, как безжалостно поступают Хозяева, отправляя меня на пол. Чем я хуже их? Почему для одних мягкое ложе, а для других – убитый и пыльный коврик? И я стал частенько днем забираться на чью-нибудь кровать. Но странное дело: то, что нравилось мне, почему-то не нравилось хозяйке. Если она заставляла меня на кровати, то гнала прочь, при этом ругалась, обзывалась и даже грозила пустить в ход руки. Я, конечно, не бросил эту привычку, но приходилось быть осторожнее. Услышав, например, шум входной двери и сообразив, что это Хозяйка пришла на обед, я быстренько соскакивал с постели и бежал к ней, всем своим видом показывая радость от нашей встречи. Но Хозяйка, пройдя в спальню, с порога начинала ругаться: «Трезор, негодяй, ты опять валялся на моей кровати!?!». А что я мог ей ответить? «Извините, Хозяйка, не успел поправить постель» – так что-ли?

К счастью, в доме было еще одно приятное местечко – балкон. С балкона меня не гнали. Здесь я один, об меня никто не запинается, всегда свежий воздух, а, главное, между полом и ограждением балкона есть щелочка, в которую сверху был виден почти весь наш двор. Я зорко следил за всем, что происходило внизу, и мог сразу

отреагировать. Вот, например, рыжий кот с блудливой рожей и свалывшейся шерстью бочком крадется, озираясь, вдоль кустов сирени. Я ему строго указываю. Вот появился кобель, с которым я давно в натянутых отношениях. Я даже вскакиваю от негодования и задаю ему такого жару, что самому делается страшно. Пусть знает, как я порву его при встрече! Но такое случалось редко. В основном я лежал, подремывая, и время от времени сквозь сон недовольно бурчал, не разжимая пасти, чтоб не забывали: я здесь, я все вижу.

Помню, Хозяева говорили на кухне про какого-то черного кота, который якобы самостоятельно ездил в трамвае. Я не поверил: «Кот? В трамвае? Да никогда в жизни! Для этого у них, у котов, ума не хватит, да к тому же они трусливые, трусливее любой собаки (исключения, конечно, бывали, но об этом в другой раз)». Однако разговор про черного кота остался в памяти. Трамваев у нас не было, а в автобусах я ездил, не один, правда, а с Хозяевами. Они имели вредную привычку садиться в автобус (хотя могли бы и пешком пройтись) и меня с собой брали. И вот как-то я крутился возле остановки и в это время подкатил автобус. «Трезор!» – неожиданно сказал я сам себе, – «Твой ход!». Я вежливо пропустил сначала всех людей, чтоб не ругались, а потом и сам тихонечко зашел и скромно уселся на задней площадке, где никого не было. Все начиналось хорошо, автобус тронулся, я сидел тихо, никому не мешал. Но вот женщина-кондуктор, обилетив всех пассажиров, дошла до задней площадки. «Чья собака?» – строго спросила она, и посмотрела мне прямо в глаза. Я сделал вид, что не понимаю, и отвернул морду. Все пассажиры, в свою очередь повернувшись ко мне, молчали, я тоже. Кондукторша повторила вопрос, повысив голос. Опять молчание. Тут она совсем растерялась и пошла к своему месту, на ходу то-ли жалуясь, то-ли ругаясь: «Куда он едет? Кто платить будет? Почему без

хозяина?». Я, конечно, виду не показал, что испугался, но и оставаться тоже расхотелось, и, проехав две остановки, я вышел, провожаемый удивленными взглядами людей. В следующий раз мне повезло больше: на задней площадке стояли два-три человека и я оказался между ними. Кондукторша, уже другая, даже не посмотрела на меня. Но на конечной остановке, когда я выходил, меня засекла Хозяйка, которая работала поблизости. «Трезор, ты откуда?» - страшно удивилась она и повела домой. Потом они с Хозяином долго гадали, куда это я ездил? Но я не стал помогать им. Пусть помучаются. У всех могут быть тайны, у собак тоже.

Как-то Хозяйка собралась в командировку. Я не придавал этому значения, ведь начиналось-то все вполне безобидно. Я сам слышал, как Хозяйка подробно объяснила Хозяину, какую для меня рыбу покупать (оказалось: самую дешевую!), как ее варить, чем приправить, при какой температуре мне подавать. Особенно она предупредила, что «Трезорка сырую рыбу не ест!». Я согласно кивнул и, успокоившись, улегся спать. Как я был наивен! Вечером того дня, когда Хозяйка уехала, и на следующее утро меня покормили тем, что она приготовила заранее. Но вот наступило время обеда. Я, как всегда, нетерпеливо ждал, когда наполнится моя чашка, но Хозяин беззаботно расхаживал по кухне, занимаясь чем попало, только не моим обедом. Когда все сроки уже прошли, он вдруг вспомнил про меня, открыл холодильник, вытянул оттуда мерзлую рыбу и дал мне. Я был настолько уязвлен таким чудовищным пренебрежением, что, едва обнюхав рыбу, демонстративно ушел из кухни. На следующий день в обед история повторилась. Хозяин, ничему не научившись, снова вытащил мерзлый рыбий хвост и помахал им у меня над головой. Но в этот раз я не дал себя обмануть. Я молниеносно взметнулся вверх, выхватил хвост и тут-же сожрал его. Через несколько дней вернулась Хозяйка. Хозяин стал отчитываться о нашем житье без нее, и между прочим, ухмыляясь, сообщил, что я, оказывается, молодец, ем все, включая сырую мерзлую рыбу. Хозяйка с недоверием выслушала и тихонько погладила меня по голове.

Зимой в выходные дни Хозяин бегал на лыжах. Уходил он обычно после обеда, а возвращался уже в сумерках, весь какой-то выстуженный, багрово-синий, с длинными сосульками, свисавшими по обе стороны лыжной шапочки. Я не очень интересовался этими его занятиями, но однажды все-таки не утерпел и увязался за ним. Я ожидал, что мы с ним пробежимся немного по лесу, разомнем косточки, и обратно. Но у Хозяина были совсем другие планы, с которыми он по своей привычке и не подумал поделиться со мной. Оказывается, в тот день он собрался бежать целых 20 километров, и это еще не предел, у него в запасе были дистанции и подлиннее. Но я же

этого не знал! Как только Хозяин встал на лыжню и рванул по ней, начались сюрпризы. Во-первых, он обнаружил несвойственную ему резвость, так что я с трудом поспевал за ним, к тому же бежать приходилось не по дороге, а по слабой лыжне. Во-вторых, погода, вначале сверкающая и солнечная, незаметно изменилась, появились тучи, и все вокруг стало серым и рыхлым. Я начал проваливаться по брюхо, а отсыревший снег – прилипать к подушечкам лап, образуя ледяные наросты. Мне приходилось останавливаться и сгрызать их. Хозяину-то что? Он на лыжах, палками оттолкнется и катит себе с горки. А я? Топай, Трезорка, на своих четырех и не жалуйся! На обратном пути я так устал, что мне, честное слово, казалось, что не дойду, упаду посреди леса, да так и останусь лежать. Хозяин, видя мои муки, конечно, темп сбросил, иногда даже останавливался и поджидал меня. Но этим его сострадания и ограничивались. Вот так, проклиная все на свете (и, чего греха таить, даже Хозяина!), я еле-еле дотащился до конца лыжни, а потом и до дома и, обессиленный, рухнул на свой коврик. Отлежавшись и отоспавшись, я за два-три последующие дня все обдумал и твердо решил: больше таких глупостей не делать, а Хозяину разъяснить, что нельзя сравнивать его силы с моими, ведь я не трактор, не снегоход какой-нибудь, а живая собака! И вот, дождавшись, когда он опять снарядился побегать, я, как ни в чем ни бывало, проводил его до кромки леса, где начиналась лыжня, но на этот раз, в ответ на его вопросительный взгляд, собрал всю свою волю в лапу и, преодолевая себя, развернулся и потрусил по своим делам. Может, он поймет, наконец, как с собаками обращаться!

А уж что Сашка выдумал ... . Вообще-то мы с ним были близкими друзьями. И дома, и на улице мы всегда отлично понимали друг друга, когда надо было поиграть, побеситься, палочку потягать, да мало ли что. Но вот как-то раз он предложил пойти с ним на улицу. Я, готовый гулять в любое время и в любую погоду, обрадовался и бросился с нетерпением царапать входную дверь. Сашка оделся и сунул под мышки какие-то небольшие дощечки. Спускаясь в лифте, Сашка взял меня на поводок. Мне бы насторожиться, но я подумал, что ничего страшного, погуляем немножко на поводке, а потом он все равно меня отпустит. На улице Сашка, придерживая меня за ошейник, одел дощечки себе на ноги, оказавшиеся на самом деле коротенькими пластмассовыми лыжами. Наконец, Сашка выпрямился, и я рванул вперед. Но Сашка-то и не подумал бежать вместе со мной, а остался стоять на месте, крепко удерживая поводок. И пришлось мне, всем корпусом подавшись вперед, хрипя и задыхаясь, тащить Сашку по накатанной мерзлой дороге. Тут до меня дошло, что Сашкины лыжи-недомерки были на самом деле специально сделаны для того, чтобы нас, собак, мучить! Ребята,

Сашкины ровесники, с завистью смотрели на Сашку, Сашка сдержанно торжествовал, а я, как бурлак, из последних сил тащил своего мучителя, нарезая когтями замерзший снег. Мне бы проявить мудрость и остановиться, но врожденный собачий инстинкт (мама-то у меня северная лайка!) гнал меня вперед. Вот так мы с Сашкой и «гуляли»! Назавтра я, по своей простоте успев уже все позабыть и Сашку простить, опять попался на его удочку, и мне пришлось еще раз потаскать его по двору. Но уж на третий день, когда Сашка предложил мне «погулять», я разнервничался и бросился не к входной двери, как обычно, а в соседнюю комнату и там спрятался, чуть не плача от того, что приходится пропускать прогулку. Даже когда через пару часов Хозяин стал собираться на улицу, я все равно на всякий случай укрылся в дальней комнате, чем нимало удивил его.

Минутах в 15 легкой трусцы от дома (я-то мог побыстрее, а Хозяин – нет) находился наш гараж. Мы с Хозяином часто туда ходили. Пока Хозяин открывал ворота, выгонял машину и чего-то копошился в гараже, я успевал оббегать все кругом, осмотреть, обнюхать и на всякий случай пометить. Потом Хозяин садился за руль, я устраивался на заднем сиденье (потому что Хозяйка предпочитала здесь сидеть) и мы катили домой. Но в тот раз, о котором я хочу рассказать, Хозяин почему-то оставил машину в гараже (он вообще часто поступал нелогично и своими действиями ставил меня в тупик), и обратно мы опять пошли пешком. Ну, мне-то что! Даже интереснее. Я легкой рысцой, сытый и здоровый, бежал впереди, помахивая хвостом. Но в том месте, где кончается лесок и дорога поворачивает к базе Академнаба, я увидел на другой стороне две легковушки, поставленные метрах в пяти носом друг к другу. Каждую машину окружала кучка мужиков. Они молча исподлобья смотрели друг на друга, насупившись и засунув руки в карманы. Я сразу все понял: обе кучки еще раньше поместили это место как свое и теперь хотят прояснить, чье же оно на самом деле. У нас, собак, эта ситуация случается чуть не каждый день и почти всегда заканчивается дракой. И мне стало жутко любопытно: а как у людей? Я перебежал дорогу и стал не спеша прохаживаться между мужиками, присматриваться к ним и принюхиваться. На всякий случай, пометил колесо сначала одной машины, потом другой. Но тут произошло нечто странное: мужики, вместо того, чтобы начать выяснять отношения, внезапно сорвались с места, мгновенно забрались в машины и уехали. Я удивился: ведь я на них даже не гавкнул, чего они переполошились-то? Бросить все и трусливо сбежать, не постояв за себя? Нет, настоящая собака никогда так не поступит и не уйдет без драки, даже рискуя быть покусанной, помятой и вываленной в грязи! Я и раньше

догадывался, что люди, может, и опередили нас в развитии, но в моральном плане им еще далеко до нас, и сейчас это стало очевидным.

Надо признаться без ложной скромности, что Хозяева любили и баловали меня. Например, каждое лето, один, а то и два раза, вывозили меня на базу отдыха в Караканский бор. Добирались мы туда на большом корабле. Воды за бортом я не боялся, и четырехчасовое плавание нисколько не тяготило меня. На корабле набивалось много народу, и каждый норовил почесать меня за ушком и чем-нибудь угостить. Эту слабость людей я использовал на полную катушку: не спеша прогуливался по кораблю, забираясь даже и в трюм, и отъедался, иногда даже до безобразия. Но вот корабль наш загудел, начал неуклюже маневрировать и, наконец, причалил к берегу. Мне уже давно хотелось на берег, и я рванулся к трапу. Но не тут-то было. Хозяин в какой-то момент успел прихватить меня на поводок, и теперь крепко держал его. Я хрипел и царапал трап когтями, пытаюсь всех обойти по краешку, чтобы высадиться первым, но Хозяин, нагруженный рюкзаком и сумками, еле передвигал ноги. Наконец, мы выгрузились. Я снова на Базе! Трудно сказать, почему мне здесь нравилось. Вроде бы, и около нашего дома есть лесок и есть где побегать. Но только на Базе я отдыхал. Целыми днями я был как бы на прогулке, сам по себе. Здесь в траве все что-то тихонько скрипело, двигалось, шуршало. В Городе мне все время приходилось быть начеку, чтобы не нарваться на какого-нибудь злощего кобеля, а здесь я неделями мог быть один из собак, и все меня любили и ласкали. Особенно в первые годы, когда Хозяина посылали на базу начальником. Тут уж я, как хозяйский пес, заслуженно получал еще и всеобщее уважение.

Хозяева мои не любили сидеть на месте, и все время затевали походы в лес, на увалы, то за грибами, то за ягодами. Утром раньше всех поднимались мы с Хозяином. Одевшись, помывшись и поставив на огонь чайник, мы будили всех остальных. Хозяйка-то поднималась безропотно, а вот Вовка с Сашкой не всегда. Приходилось объяснять им, для чего нужно поторопиться. Сашка даже стишок сочинил на эту тему:

На Базе нельзя ни минуты терять,
Пошли за брусникой (черникой, грибами), едритвоюмать!

А Вовка мрачно добавил:

На Базу приехали мы отдыхать,
Пошел ка ты к черту, едритвоюмать!

Но, однако, поднимались, завтракали и шли в лес на целый день. В молодости я переносил эти походы играючи, тем более что в лесу можно было встретить то, что не каждой собаке удастся встретить за всю ее жизнь. Например, однажды, ближе к вечеру, когда мои Хозяева уже из последних сил зависли над чудосочной полянкой черники, я вдруг краем глаза заметил в мелколесье какое-то движение. Пригляделся, мать честная, Заяц! Сердце прыгнуло мне в горло, дыхание перехватило, и я, издав громкий боевой клич (как потом рассказали Хозяева — с пронзительным визгом) бросился на него. Но Косой задал со страху такого стрекача, что даже я, уж на что привычный к быстрому бегу, оказался бессилён. Словом, промчавшись по лесу метров двести-триста, добычу я упустил. Но ведь гнался! И так мне было потом обидно, когда позже, уже в Городе, я рассказывал моим городским подружкам, как Зайца в лесу стреножил, и надеялся, что меня похвалят, а они смотрели на меня с недоверием и молчали. Наверное, думали, что вру.

Однажды осенью мы с Хозяином шли утречком по лесной дороге. Был сентябрь, светило солнышко, стояла теплая и сухая погода. Лес в это время затихает. Всякая нечисть - комары, мухи, слепни, - которая все лето портила нам жизнь, угомонилась, и мы шли, тихо радуясь теплу, солнцу, воздуху, себе. Вдалеке временами слышались выстрелы: в тот день начался охотничий сезон. Я уже знал, что он продлится недолго, одно утро постреляют и успокоятся. Поэтому особенно не нервничал. И вдруг, о Господи!, впереди, метрах в двадцати, на самой середине дороги я увидел кого-то здорового, жирного и с длинной шеей. На конце шеи торчала маленькая головенка, повернутая ко мне в профиль, внизу головенки, под клювом, болтались красные мешочки, а глаз-бусинка уставился прямо на меня. Тетерев! Моя реакция была мгновенной: без разбега, спружинив, я прыгнул с места как снаряд из пушки, даже не успев подать голос. Моя задача была простой: я должен был схватить его раньше, чем тетеревинная мысль доберется по длинной шее до его сознания. Но птица, по-видимому, была настолько глупа, что совсем не стала ни о чем думать: она просто тяжело захлопала крыльями и с шумом, ломая сухие ветки, с явной натугой поднялась на несколько метров вверх, взгромоздившись на ближайшее дерево. Я изо всех сил попытался подпрыгнуть повыше, но у нас, собак, крыльев-то нет. Так что пришлось мне опять терпеть от Хозяина обидное: «Эх, Трезор, Трезор!». А что Трезор? Выше головы и сам Хозяин не сможет прыгнуть. Вот и получилось, что глупая птица испортила мне настроение на целый день. И только вечером, когда мы уже возвращались на Базу, удача улыбнулась мне. Заскочив в мелкий подлесок, росший рядом с тропинкой, я сначала унюхал, а потом и увидел всегда желанное: свеженькое, жиденькое и очень сильно

пахнущее, разлитое в виде лепешки. Как раз по мне, и я с удовольствием повалялся в нем, постаравшись вымазаться посильнее. Через минуту я уже снова был рядом с Хозяином, ожидая, что он разделит со мной мою радость. Как я ошибался! Хозяин, вместо того, чтобы похвалить меня, вдруг рассвирепел. «Ах ты, гад!» - прошипел он и чуть не бегом понесся к Базе. Когда до палаток оставалось еще метров сто, он вдруг схватил меня за ошейник и с силой поволок к деревянному мостику, уходившему с берега в заливчик. Тут ему под руку подвернулся кусок хозяйственного мыла (видно, кто-то оставил после стирки) и он, окунув меня в воду, стал грубо и бесцеремонно меня этим мылом надраивать. После этого он снова окунул меня и повторил всю процедуру еще раз. Он не успокоился до тех пор, пока полностью не лишил меня маскировочного покрытия, которое своим запахом должно было сбивать с толку моих врагов и делало меня настоящим охотником! И еще долго, когда мы уже сели ужинать, все ворчал на меня.

У каждой палатки или домика на нашей Базе есть свой стол. Эти деревянные столы, сколоченные как попало, обычно стояли убранными и чистыми, но иногда отдыхающие, приготавливаясь к обеду или ужину, расставляли на них еду, а сами куда-то отлучались, создавая нам, собакам, непреодолимые соблазны. Например, однажды, подбежав к одному из таких столов и встав передними лапами на скамейку, я увидел на нем сковородку, а на сковородке — несколько больших кусков поджаренной жирной курочки в нежной золотой шкурке. Время на размышления и борьбу с угрызениями совести у меня не было, и я просто схватил один кусок, справедливо полагая, что осталось еще много, всем хватит. В другой раз мы с моей новой подружкой (не то Тяпкой, не то Ляпкой, забыл, как ее звали), стащили кусок сливочного масла прямо в обертке, и понеслись, как обычно, в ближайшие кусты, чтобы разделить законную добычу. По дороге, правда, у нас возникли разногласия по поводу того, как это сделать справедливо, и мы даже немножко подрались, но тут откуда-то возникла моя Хозяйка, отобрала масло и сильно меня отругала!

Вот так я и жил, ни о чем особенно не задумываясь и не заморачиваясь. Гулял, заводил новые знакомства, спал и строго следил, чтобы о моей чашке никто посторонний даже и подумать не мог. Но шли годы, и я стал замечать, что обеденные косточки все труднее и труднее поддаются разгрызанию. Хозяин, заглянув однажды мне в пасть, воскликнул: «Трежорка, мать твою за ногу, да ты все клыки съел!». Но это бы ладно. Хозяйка меня любит и с голоду помереть не даст. Но клыки у собак — не только, чтоб кости грызть, но, вместе с резвыми ногами, основное их оружие выживания. Теперь в драке я, по-прежнему, хоть и пытался ухватить противника за бока или загривок,

но толку от этого было мало. Вскоре о моей слабости прознали все, так что каждый кобель, знакомый и незнакомый, мог без труда потрепать меня. Хозяин, заметив это, стал прихватывать с собой на прогулку увесистую палку и пару раз крепко огрел ею агрессора. Стыдоба, конечно, ведь это я должен охранять Хозяина, а не наоборот. Но это было еще полбеда. Настоящая беда пришла, когда у меня начали отказывать задние ноги. Сначала понемногу, а потом все сильнее и сильнее. Наконец, наступил день, когда Хозяину пришлось вынести меня на руках на улицу по моей надобности. Я понял, что это конец, точка, так дальше жить нельзя. И я ушел.

P.S. Эту историю я написал для моих дорогих Хозяйки и Хозяина, для верных товарищей, Вовки и Сашки, а также для всех благородных друзей-собачек, проживающих в наших дворах. С собачьего языка на человеческий я перевел сам. Как это получилось – судить вам, но прошу учесть, что я не писатель, окончил только школу нашего двора (пятнадцатилетку), поэтому в тексте отсутствуют пышные картины рассветов и закатов, как это принято в настоящих литературных произведениях, отсутствует описание замечательного, таинственного и такого любимого Караканского бора, да что бора, даже про наш и соседний дворы я не смог толком рассказать. Но все равно я надеюсь, что кому-нибудь эта история покажется интересной и даже местами поучительной.

Остаюсь искренне Ваш,
Трезор